

Хронотоп как перекресток прошлого и будущего, настоящего и... «понарошечного»

А. А. Остапенко

доктор педагогических наук, профессор Кубанского государственного университета и Екатеринодарской духовной семинарии, старший научный сотрудник федерального института развития образования

В статье сделана попытка анализа научной эволюции идеи хронотопа как психологического феномена от А. А. Ухтомского и М. М. Бахтина до И. А. Аршавского и В. П. Зинченко и осуществлена ее экстраполяция в область педагогической реальности — воспитания человека. Предложена принципиальная ось координат субъективного времени: настоящее (подлинное) — понарошечное (тщетное). Выявлены признаки подлинности времени (цели и смыслы) и его понарошечности (суета и скука). Представлена педагогическая картина утраты негэнтропийного компонента вечности с последующим превращением в энтропийный компонент временности. Таким образом, описана модель исчезновения подлинности и полноты хронотопа и превращения его в суетный и тщетный «миг между прошлым и будущим». Выявлено принципиальное различие между воспитанием событиями как атрибутами вечности и воспитанием мероприятиями как атрибутами временности. Сделан вывод, что в отсутствие у воспитанника собственных целей, планов и надежд, а стало быть, событийности, «воспитание» сводится к задаче повышения занятости, охвата и надзора за ребенком, что приводит к утрате подлинности процесса воспитания.

Ключевые слова: хронотоп, субъективное время, функциональные органы, суета, скука, воспитание событиями, воспитание мероприятиями, временность, вечность.

Есть только миг между прошлым и будущим...

Из известной песни

- Давай играть в антонимы!
- Давай!
- Черное!
- Белое!
- Высокое!
- Низкое!
- Прошедшее!
- Будущее!
- Настоящее!
- ?... Понарошечное!!!

Из подслушанного диалога младших дочерей, они были дошкольницами

Субъективное время человека нам всегда было интересно как компонент его субъективной реальности, а субъективная реальность интересна в процессе ее становления, ибо этот процесс и есть процесс педагогический, процесс воспитания (в смысле К. Д. Ушинского). Воспитательный процесс вос=становления полноценности (полно-цельности) человека — процесс временной, длительный, длящийся, не одномоментный, не мгновенный, не точечный, ибо «человек должен делать свое время», а не время должно становиться его хозяином. Разберемся подробнее в этом тезисе, одновременно ставя задачу

развести понятия «воспитание событиями» и «воспитание мероприятиями». Для этого воспользуемся понятием «хронотопа».

В научный оборот понятие «хронотоп» не без воздействия идей Г. Минковского и А. Эйнштейна ввел в 1925 г. А. А. Ухтомский*. «С точки зрения хронотопа существуют уже не отвлеченные точки, но живые и неизгладимые из бытия события; те зависимости (функции), в которых мы выражаем законы бытия, уже не отвлеченные кривые линии в пространстве, а «мировые линии», которыми связываются давно прошедшие события с событиями данного мгновения, а через них — с

* Опубликован черновик его доклада 1925 г. «О временно-пространственном комплексе, или хронотопе». См.: [10, с. 67–71].

событиями исчезающего вдали будущего» [11, с. 267]. Широко известным этот термин стал благодаря его активному применению в области эстетики М. М. Бахтиным: «Существенную взаимосвязь временных и пространственных отношений, художественно освоенных в литературе, мы будем называть хронотопом (что значит в дословном переводе — «времяпространство»). Термин этот употребляется в математическом естествознании и был введен и обоснован на почве теории относительности (Эйнштейна)» [2, с. 234]. С начала 90-х гг. идею хронотопа применительно к психологии активно развивает В. П. Зинченко: «Своеобразие хронотопа состоит в том, что он соединяет в себе, казалось бы, несоединимое. А именно — пространственно-временные, в физическом смысле этого слова, телесные ограничения с безграничностью времени и пространства, т. е. с вечностью и с бесконечностью. Первый — это и есть онтологический план, заключающий в себе всю суровость бытия, которое в конце концов награждает человека смертью; второй — феноменологический, идущий из культуры, истории, из ноосферы, от Бога, от Абсолюта, т. е. из вечности в вечность со всеми мыслимыми общечеловеческими ценностями и смыслами. В любом поведенческом или деятельностном акте, совершаемом человеком, мы имеем все три «цвета времени»: прошлое, настоящее и будущее, т. е. даже хронотоп живого движения может рассматриваться как элементарная единица, зародыш (или продукт?) вечности. Поэтому в нем потенциально содержатся не только дольний, но и горный миры. Конечно, хронотоп — это пока метафора, удачно описывающая живой пространственно-временной континуум, в котором протекает развитие человека, понимаемое как уникальный процесс в составе космоса» [4, с. 10–11]. Позднее он, уже не упоминая о метафоричности понятия, пишет: «Хронотоп — это *живое измерение* пространства и времени, в котором они нераздельны. Хронотоп сознания двулик. Это в такой же степени «овремененность пространства», в какой и «опространственность времени»» [5, с. 87].

Разделяя и пространство, и время на объективное и субъективное, мы употребляем для субъективного про-

странства термин «персональное», а для субъективного времени — термин «психологическое» или, вслед за В. П. Зинченко, — «живое». И несмотря на то, что в статье 1991 г. он не употребляет термина «хронотоп», вопрос им задан: «Не отсюда ли “пространства внутренний избыток”, которое ищет, как себя реализовать в реальном пространстве и времени, создавая для этого особое *функциональное пространство и историческое время* (курсив наш. — А. О.)?» Следуя идее «функциональных органов» А. А. Ухтомского, В. П. Зинченко вводит понятие «функциональное пространство», а «функциональное время» называет «историческим». Совокупность этих двух понятий и составляет у В. П. Зинченко понятие «хронотоп». Можно полагать, что оно в какой-то степени соответствует понятию «субъективная действительность» В. И. Несмелова и «субъективная реальность» В. И. Слободчикова. Идея хронотопа также соответствует идее отца Павла Флоренского о том, что «рост, жизнь делает время, а не время движет жизнь. Следовательно, процессами жизни должно измерять биографическое время, а не временем — процессы биографического роста» [12, с. 477].

В. П. Зинченко указывает, что хронотоп «несмотря на цельность, не обладает свойствами наглядности. Он трудно представим из-за того, что пространство и время подверглись в нем деятельностно-семиотической переработке, они выступают в нем в превращенной форме вплоть до того, что реальное движение в пространстве трансформируется в остановленное время, а последнее, в свою очередь, трансформируется в движущееся пространство. Отсутствие черт наглядности у хронотопа связано с наличием в нем объективного и субъективного, с их обменом и взаимопроникновением» [4, с. 13–14].

Человек живет одновременно в трех «цветах» времени: прошедшем, настоящем и будущем. И если человек субъективно их не объединяет в себе, то становится не хозяином, а рабом времени. Человек объединяет в себе времена, если он, учитывая **сейчас, сегодня (настоящее)**, накопленный **опыт (прошедшее)**, идет к поставленной **цели (будущее)**. Проиллюстрируем эту мысль.

Рис. 1. Модель сочетания «цветов» времени (времен) в хронотопе

Жизнь человека, обусловленная *целями, мечтами, планами, надеждами*, наполнена **со=бытиями**, которые и являются элементарными единицами вечности. Событие — *явление настоящее* (а не «понарошечное») и *явление настоящего*. Оно имеет свойство *длиться* в настоящем. «Хронотоп предполагает симультанализацию психологического времени — дление, включающее прошлое, настоящее и будущее» [5, с. 89–90]. И именно оно объединяет в себе действие настоящего, опыт прошедшего и мечты (цели) о будущем. Хронотоп наполнен, с одной стороны, *памятью и опытом* и, с другой стороны, *целями, мечтами, планами и надеждами*, поэтому он **полон** смыслом, а «вне смыслового измерения хронотоп в принципе невозможен» [7, с. 32]. В первом приближении создается ощущение, что, во-первых, *цели, мечты, планы и надежды* есть некие иллюзии (а не реальности), которые невозможно «потрогать», а во-вторых, что они принадлежат только будущему, которое само по себе призрачно и иллюзорно. Но очевидно, что это не так. Так, например, из двух пар молодых людей, стоящих под венцом, одна объясняет свое решение вступить в брак некими *мечтами и планами* на счастливое совместное *будущее*, а вторая — банальной беременностью невесты, которая уже случилась вчера (*в прошлом*). Поскольку обе пары реально (а не виртуально или иллюзорно) стоят под венцом, то, по всей видимости, *реальность* (настоящность) *мечтаний, планов и надежд* несколько не отличается от *реальности* (и даже материальности) случившейся беременности. Все дело в том, что обе приведенные в примере реальности являются смыслами (содержанием) хронотопа, и мечты о будущем в не меньшей степени влияют на настоящее (уровень настоящести), чем начавшаяся (зачавшаяся) в прошлом беременность.

Возвращаясь в педагогическую реальность, мы говорим, что *воспитание имеет смысл, если оно наполнено настоящими (и в настоящем) событиями*, так как главный признак события — это наличие смысла, обусловленного *памятью и опытом* прошло-

го, а также *целями, мечтами, планами и надеждами будущего*. «Если, согласно М. М. Бахтину, время — это четвертая координата континуума бытия-сознания, то смысл — пятая или первая, разумеется, не по хронологии, а по значимости» [там же]. Сравним данное положение с результатами исследования И. А. Аршавского, ученика А. А. Ухтомского: «живые системы, в отличие от неживых — четырехмерных, являются пятимерными, характеризуясь тремя пространственными и двумя временными размерностями — энтропийной и негэнтропийной. Именно негэнтропийная размерность и определяет творческие возможности живого. Благодаря негэнтропийному времени, живые системы обогащаются дополнительными пластическими материалами и энергетическими резервами» [1, с. 7]. Под негэнтропийной составляющей времени И. А. Аршавский понимает ту самую создаваемую самим человеком активность, которая и делает его хозяином, а не рабом времени. Событийность воспитания и дает воспитывающемуся осторожный опыт мудрости. «Итак, смотрите, поступайте осторожно, не как неразумные, но как мудрые, дорожа временем, потому что дни лукавы» (Ефес. 5; 16–17).

Что же происходит с неразумными, с теми, кто по собственной воле не обретает мудрости и опыта? Человек без цели, без мечты, без надежды пуст, у него нет настоящего, у него жизнь не наполнена событийностью, а стало быть, он не накапливает мудрости и опыта. «Потеря замысла и его будущего результата прекращает действие, либо превращает его в моторные персеверации» [7, с. 46]. «Лишенное событийности физическое время — это время распада, разложения. Оно не удерживается человеческой памятью, которая событийна, а не хронографична» [там же, с. 31]. И тогда эта пустота заполняется либо *скукой*, либо *суетой*. Вместо событий жизнь заполняется либо беспельными поисками развлечений и удовольствий (и в таком случае мы говорим, что время «убивается» или «транжирится», а это и есть суета), либо ничем не заполняется (тогда время «тянется» и «вольнитса», а это есть скука и тоска). Тогда настоящее сжимается, хронотоп уменьшается.

Рис. 2

Если хронотоп сжимается до нуля и превращается в «миг между прошлым и будущим», то исчезает ось содержательного времени, т. е. исчезает, выражаясь словами И. А. Аршавского, негэнтропийный компонент времени. В таком случае человек становится рабом времени, из его жизни исчезают смыслы (цели, мечты, планы, надежды), уходит настоящесть, настоящее становится «понарошечным», жизнь заполняется временностью **суеты** и **скуки**.

При утере хронотопа, утере контроля над временем, утере настоящего, утере *негэнтропийного компонента вечности* сохраняется лишь *энтропийный компонент временности*, и уже не человек является хозяином времени, а время хозяйничает над ним. В этом случае выбор для свободной воли человека ограничивается двумя вариантами временности — скукой и суетой. Обратимся к словарю В. И. Даля: «Скука — тягостное чувство от косного, праздного, недейтельного состояния души; томление бездействия» [3, с. 231]; «суета — суетность, суетство; тщета, пустота или ничтожность, бесполезность помыслов, стремлений и дел людских; все мирское, земное, временное, скудельное, ничтожное, сравнительно с вечным; все вздорное или противное вечному благу нашему в обычаях наших и в роде жизни» [там же, с. 624]. Общее в этих понятиях то, что и за понятием «скука», и за понятием «суета» кроется отсутствие тех самых смыслов, которые реализуются через *цели, мечты, планы и надежды*. Разница лишь в том, что суета — это бесцельная деятельность, а скука — это бесцельная бездеятельность. Но и то и другое по признаку бесцельности выпадает за пределы хронотопа, не принадлежит к негэнтропийному творческому времени человека. А значит по определению ни суета, ни скука не могут быть источниками творчества, следовательно, опыта и мудрости. Понимая игру как «понарошечную» деятельность или как деятельность, *цель* которой заключается в самой деятельности, можно предположить, что чем меньше у человека целевых смыслов, тем больше в его жизни игры как «понарошечности», как суррогата настоящести. Современный бум повсеместного создания игровых и игорных салонов и клубов, поголовное увлечение

компьютерными играми — это, видимо, знак бесцельности и безнадежности эпохи, ее бессмысленности и понарошечности, знак того, что «наша жизнь — игра». Рискну высказать предположение, основанное на наблюдениях за дочерьми-дошкольницами, о том, что даже в дошкольном возрасте игра является ведущим видом деятельности ребенка лишь в том случае, если близкий взрослый не предлагает ребенку иной осмысленной *полезной другим* деятельности. Опыт показывает, что в случае наличия такого выбора ребенок чаще предпочитает реальное нужное дело (помощь родителям и т. п.), нежели игру. Возвращаясь к нашим терминам, заметим, что так понимаемая игра является явлением, выходящим за пределы хронотопа ребенка.

В случае отсутствия у воспитанника собственных *целей, планов и надежд* «воспитание» сводится к задаче повышения занятости, охвата, задействованности, надзора за ребенком. Та же ситуация наблюдается если цели деятельности навязаны взрослыми. Тогда жизнь подростка взрослые пытаются *занять* (а не заполнить) мероприятиями, цели которых известны и ясны (если ясны!) только взрослым. Эти цели не прожиты, не прочувствованы воспитанником, они «спущены» взрослыми, они ими навязаны, а, как уже говорилось, навязанные цели освобождают от ответственности за их достижение. Целенаправленная воспитательная деятельность взрослого становится бессмысленной суетой для воспитанника. Цель педагога, взрослого сводится к тому, чтобы «занять», «заполнить» досуг, «охватить» какой-либо деятельностью. Часто мероприятия проводятся *для* детей и не становятся событиями их жизни. Их «отбывают», «отсидивают» (или «отстаивают»), а не проживают.

В этом, на наш взгляд, и есть разница между **воспитанием событиями** (они наполнены смыслом, так как их цели ясны и приняты ребенком, а значит, порождают опыт и мудрость) и **воспитанием мероприятиями** (их цели либо неясны, либо навязаны ребенку, а смысл ясен лишь взрослым; их «отбывают», а не проживают). **Событие** хронотопично и причастно *вечности*, **мероприятие** всегда *временно*.

Рис. 3

Литература

1. *Аршавский И. А.* Проблема времени живого и связанные с нею проблемы развития — индивидуального и филогенетического // Природа времени и сущности жизни. Электронный журнал. 2004. № 1.
2. *Бахтин М. М.* Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
3. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. М., 1994.
4. *Зинченко В. П.* Культурно-историческая психология: опыт амплификации // Вопросы психологии. 1993. № 4.
5. *Зинченко В. П.* Мысль и Слово Густава Шпета (возвращение из изгнания). М., 2000.
6. *Зинченко В. П.* Проблемы психологии развития (Читая О. Мандельштама) // Вопросы психологии. 1991. № 4.
7. *Зинченко В. П.* Человек в пространстве времён // Развитие личности. 2002. № 3.
8. *Несмелов В. И.* Наука о человеке. Т. 1. Казань, 1898.
9. *Слободчиков В. И.* Развитие субъективной реальности в онтогенезе: Автореф. дисс. ... д-ра психол. наук. М., 1994.
10. *Ухтомский А. А.* Доминанта. СПб., 2002.
11. *Ухтомский А. А.* Интуиция совести. СПб., 1996.
12. *Флоренский П. А.* Соч.: В 4 т. Т. 3 (1). М., 2000.

Chronotopos as the Intersection of Past and Future, Present and ... «a Make-Beliefs»

А. А. Ostapenko

PhD in Education, Dr., professor at the Kuban State University and Ekaterinodar Theological Seminary, senior research fellow and leading specialist at the Federal Institute of Education Development, honored teacher of Kuban

This article attempts to analyze the scientific evolution of chronotopos (time-space) idea as a psychological phenomenon starting from the works of A.A. Ukhtomsky and M.M. Bakhtin up to I.A. Arshavsky and V.P. Zinchenko. Also we extrapolate the notion of pedagogical reality — to the education of a man. The principle axis of subjective time is proposed: present (true) — «a make-belief» (futile). The signs of time authenticity — the goals and meanings, and signs of its futility — fuss, vanity and boredom, are revealed. The pedagogical pattern of loss of the eternity's negative entropy component with its subsequent transformation into the entropic component of temporariness is presented. Thus, the model of disappearance of the chronotopos authenticity and completeness and its turning into a vain and futile «moment between past and future» is described. The fundamental difference between educational events as the attributes of eternity and educational activities as characteristics of temporariness is revealed. It is concluded that if an educatee does not have own goals, plans and expectations and, therefore, in the absence of eventfulness the «education» is reduced to the task of increasing the engrossment, comprehension and oversight of a child which leads to the loss of a genuine process of education.

Keywords: chronotopos (time-space), subjective time, functional organs, fuss and vanity, boredom, education by events, education by activities, temporality, eternity.

References

1. *Arshavskii I. A.* Problema vremeni zhivogo i svyazannye s neyu problemy razvitiya — individual'nogo i filogeneticheskogo // Priroda vremeni i sushnosti zhizni. Elektronnyy zhurnal. 2004. № 1.
2. *Bahtin M. M.* Voprosy literatury i estetiki. M., 1975.
3. *Dal' V. I.* Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka. T. 4. M., 1994.
4. *Zinchenko V. P.* Kul'turno-istoricheskaya psihologiya: opyt amplifikatsii // Voprosy psihologii. 1993. № 4.
5. *Zinchenko V. P.* Mysl' i Slovo Gustava Shpeta (vozvrasheniye iz izgnaniya). M., 2000.
6. *Zinchenko V. P.* Problemy psihologii razvitiya (Chitaya O. Mandel'shtama) // Voprosy psihologii. 1991. № 4.
7. *Zinchenko V. P.* Chelovek v prostranstve vremen // Razvitie lichnosti. 2002. № 3.
8. *Nesmelov V. I.* Nauka o cheloveke. T. 1. Kazan', 1898.
9. *Slobodchikov V. I.* Razvitie sub'ektivnoi real'nosti v ontogeneze: Avtoref. diss. ... d-ra psihol. nauk. M., 1994.
10. *Uhtomskii A. A.* Dominanta. SPb., 2002.
11. *Uhtomskii A. A.* Intuiciya sovesti. SPb., 1996.
12. *Florenskii P. A.* Soch.: V 4 t. T. 3 (1). M., 2000.